

На следующий день после того, как в Управлении по надзору за дворцовыми залами закончилась аттестация, Юнькуй отправился в Управление по закупкам. Его место подле Цзян Цзиньмина занял Цзинчжэ.

За те несколько месяцев, что Цзинчжэ провёл в ведомстве, он успел завести дружбу со многими: и с оборотистым Юнькуем, и с Шиэнем, и с Гушэном. Даже нелюдимый, степенный Хуэйпин, старейшина этих мест, относился к нему с теплотой. Поэтому, когда Цзян Цзиньмин выбрал себе в помощники именно его, это хоть и стало неожиданностью, но выглядело вполне закономерным.

Впрочем, новое назначение не освобождало от прежних забот. Как и Юнькуй прежде, Цзинчжэ полдня тратил на обычную уборку, и лишь после полудня приступал к делам управления под началом наставника.

Цзинчжэ освоился быстро. Работа с бумагами, какой бы кропотливой она ни казалась, не пугала его. На самом деле ежедневных дел было не так уж много — пугающая гора документов выросла лишь из-за того, что прежние задачи копились неделями.

Приняв дела, Цзинчжэ потратил несколько дней на то, чтобы распутать этот клубок. Вскоре хаос сменился порядком: каждая запись нашла своё место, каждый свиток — свою полку. Юнькуй, занимавшийся этим раньше, явно не отличался прилежанием, но Цзян Цзиньмина это до поры до времени не заботило.

Будучи начальником управления, Цзян понимал: его ведомство — не предел мечтаний. Евнухам, застрявшим здесь на годы, трудно было выслужиться и подняться выше. Это не личные покои наложниц, где можно попасться на глаза высокой особе и по воле случая снискать милость. Шансов на продвижение мало, зато возможностей для праздного прозябания — хоть отбавляй. Дела здесь редко бывали срочными, и если что-то откладывалось со дня на день, мир не рушился.

Цзинчжэ вовсе не стремился взвалить на себя лишнее. Просто он слишком долго был лишён возможности касаться кисти и бумаги. Теперь даже самые скучные реестры он читал с упоением, смакуя каждое слово.

Покончив с накопившимися делами, он внезапно обнаружил, что у него образовалась масса свободного времени. Не желая сидеть сложа руки, Цзинчжэ по собственной воле принялся перебирать старые архивы. Цзян Цзиньмин, прекрасно понимая, что на самом деле движет его помощником, смотрел на это сквозь пальцы.

Тяга к знаниям не была преступлением. К тому же архивы и впрямь давно нуждались в крепкой руке.

Так Цзинчжэ получил законный доступ к тому, что искал.

Когда-то Чжэн Хун спрашивал его: почему он выбрал именно это место, имея варианты получше? Тогда Цзинчжэ дал лишь поверхностный ответ. Истинная же причина крылась в Чэнь Ане.

Покойный евнух когда-то начинал свой путь именно здесь. И теперь, когда Чэнь Аня не было в живых, а ниточки оборвались, Управление по надзору за дворцовыми залами оставалось единственным местом, где можно было отыскать следы его прошлого. Императорская аптека была слишком далеко, и доступа туда у Цзинчжэ не было.

Смерть Чэнь Аня не заставила Цзинчжэ забыть о нём. Зелёное нефритовое кольцо лучника, переданное через Чжу Эрси, всё ещё было спрятано в стене заброшенного дворца Сюсю. Цзинчжэ не мог найти предлога, чтобы забрать его — дворец был опечатан. Впрочем, это было даже к лучшему: там вещь находилась в полной безопасности.

Цзинчжэ был чутким и осторожным. Он знал, что в Северных покоях за ним приглядывали, и не сомневался, что и здесь могут быть лишние глаза. Но со временем, когда он, видимо, перестал представлять интерес, следы чужого вмешательства в его вещи исчезли. Его умение прятать ценное оказалось сильнее чужого любопытства.

За время службы он понял, что Управление по надзору за дворцовыми залами — сердце всего ведомства. Не зря их названия были так созвучны. Его интуиция не подвела: он пришёл в правильное место.

Став правой рукой Цзян Цзиньмина, он получил легальную возможность просматривать старые документы, надеясь найти хоть какое-то упоминание о Чэнь Ане. Тот служил здесь более двадцати лет назад. Далеко не каждый слуга оставлял след в официальных бумагах — обычно в реестрах фиксировали лишь имена и количество людей. Чтобы о ком-то написали подробнее, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее.

Но Цзинчжэ верил: такой человек, как Чэнь Ань, не мог исчезнуть бесследно.

И он нашёл.

Оказалось, до прихода сюда Чэнь Ань служил в «Семи управлениях и трёх дворах». Из-за конфликта с тамошним начальством его сослали в Управление по надзору за дворцовыми залами. Настоящее падение с небес на землю. Однако Чэнь Ань не сломался: он быстро дослужился до начальника управления, и лишь после этого его перевели в Императорскую аптеку.

Цзинчжэ снова и снова перечитывал эти несколько строк, пока в его голове не сложилась чёткая картина. Теперь он, кажется, понял, как его отец познакомился с Чэнь Анем.

В те годы, когда Чэнь Ань ещё служил здесь, в «Семи управлениях» разразился громкий скандал. К слову, Управление по закупкам тоже входило в их число.

Дело о растрате.

Места, через которые проходят закупки и огромные суммы императорских денег, всегда были самыми «жирными» и опасными. Покойный император поручил расследование Министерству финансов.

Цэнь Сюаньинь, будучи в ту пору мелким чиновником министерства, принимал в этом деле самое прямое участие. Тот самый начальник, что выжил Чэнь Аня, оказался под следствием. Чэнь Аня тоже вызывали на допросы, а вёл их... скорее всего, именно Цэнь Сюаньинь.

Цзинчжэ не мог утверждать это со стопроцентной уверенностью, но записи подтверждали: Чэнь Аня действительно забирали в Министерство финансов для дачи показаний. Как они сблизилась потом и стали друзьями — было уже не так важно. Важнее было другое: в складках пожелтевшего от времени свитка Цзинчжэ обнаружил крошечный клочок бумаги.

Документы не трогали десятилетиями, они покрылись толстым слоем серой пыли. Бумажка была такой же хрупкой и потемневшей от лет.

«Огонь».

Всего один иероглиф. Станный, неуместный, он словно ждал своего часа в тишине забытого склада.

Цзинчжэ, с ног до головы перепачканный пылью, долго стоял, сжимая находку в пальцах. Ему казалось, что он что-то упускает, но инстинкт заставил его немедленно спрятать записку. Убедившись, что пыль на полках лежала ровным слоем и никто, кроме него, сюда не заглядывал, он спокойно закончил уборку и привёл склад в порядок.

Возвращаясь, он неспешно шёл под навесом галереи. Его взгляд упал на группу евнухов, греющихся у жаровни. Языки пламени плясали, отбрасывая на их серые одежды неровные оранжевые блики...

Пламя... Жар... Огонь!

Словно вспышка молнии, догадка пронзила его сознание. Вот оно что!

Бумага и огонь...

Те пустые, белые листы, что оставила Цайжэнь Яо, вовсе не были бесполезными!

Осознав это, Цзинчжэ на мгновение замер, поражённый тем, как тонко Чэнь Ань расставил свои ловушки. Каждый шаг, каждая подсказка казались случайными, почти небрежными. И Чжу Эрси, и этот обрывок в архивах — что, если бы Цзинчжэ не догадался? Что, если бы он не попал в это управление?

Но, поразмыслив, он понял: в этом и заключался замысел.

В своё время Цэнь Сюаньинь и госпожа Лю не хотели, чтобы он знал правду. Это было залогом его безопасности. Для юного, несмышлёного Цзинчжэ неведение означало жизнь. Даже если бы он захотел надеть глупостей, он просто не знал бы, с чего начать. Ему оставалось только одно — выживать.

Чэнь Ань, вероятно, руководствовался тем же. Он хотел оставить след, но не желал, чтобы Цзинчжэ узнал тайну слишком рано. Стоило правде открыться, и Цзинчжэ уже не смог бы вести спокойную жизнь. Как и родители мальчика, Чэнь Ань больше всего хотел, чтобы тот остался жив.

Поэтому подсказки были разбросаны так хаотично, полагаясь на волю случая.

Был ли его перевод в Северные покои случайностью? Он помнил, что сам принял это решение, но откуда он вообще узнал о них?

Это был совет Чэнь Аня. В Северных покоях была Цайжэнь Яо.

Условие Чжу Эрси для передачи «ключа» было простым: он должен был услышать имя Цзинчжэ во дворце, неважно по какому поводу. Если бы Цзинчжэ тихо доживал свой век в Северных покоях, Чжу Эрси никогда бы о нём не узнал. Но как только слухи донесли его имя до ушей старого евнуха, это означало одно: Цзинчжэ, волей или неволей, уже втянут в водоворот дворцовых интриг. И тогда «ключ» оказался у него.

Это был первый уровень защиты. Пока Цайжэнь Яо была жива, достать шкатулку с её помощью было бы куда проще. Но случилась беда — она погибла. К счастью, перед смертью она успела оставить подсказку, и игольник попал в руки Цзинчжэ.

Так он открыл шкатулку и узнал причину гибели Чэнь Аня и Цайжэнь Яо. Узнал одну из самых страшных тайн этого дворца. Цзинчжэ даже начал подозревать: не была ли гибель его отца связана с этим же делом? Почему покровитель, ценивший отца, внезапно отвернулся от него? Пока это были лишь догадки.

Первый слой тайны был снят. Вторым слоем была стопка пустых листов. Они лежали так аккуратно, словно были важнее всех писем в шкатулке. А «ключ» ко второму слою был спрятан в недрах архива, в документе, о котором все давно забыли.

Цзинчжэ невольно вздохнул, думая о том, сколько усилий пришлось приложить. Хотел ли Чэнь Ань, чтобы он докопался до истины, или нет? Если бы Цзинчжэ никогда не пришёл в это управление, он бы просто жил дальше. Бессильный что-либо изменить, но живой.

***

Когда Юнькуй пришёл навестить наставника, Цзян Цзиньмин как раз крутил ему ухо, ставя в пример Цзинчжэ.

Юнькуй лишь добродушно ухмылялся:

— Наставник, вы же знаете, я в этом ни в зуб ногой. Такие дела лучше поручать Цзинчжэ.

Цзян Цзиньмин так и кипел от негодования:

— Я что, зла тебе желаю?

— Да не даётся мне эта грамота, — сокрушался Юнькуй. Он и рад бы научиться, но не выходило. — Как вижу эти иероглифы, так кажется, будто это букашки ползают. Того и гляди в голову залезут, а запомнить — хоть убей, не могу.

Цзинчжэ, стоявший рядом, спросил:

— А как ты обычно учишься?

— Да как... просто читаю, и всё, — Юнькуй неопределённо махнул рукой.

Он не был совсем неграмотным. Под началом Цзян Цзиньмина он научился читать некоторые слова, но писать не умел. Кроме тех знаков, что встречались в быту, всё остальное оставалось для него тёмным лесом.

Метод обучения Цзян Цзиньмина был прост: он несколько раз вслух читал иероглиф, а потом считал, что ученик его запомнил. Узнав об этом, Цзинчжэ невольно замолчал.

Цзян Цзиньмин искренне не понимал:

— Дело-то простое, как можно не запомнить?

Цзинчжэ лишь покачал головой. В мире есть люди, которые не могут сдать экзамены, но становятся великими учителями. А есть те, кто занимает первые места, но не способен обучить и ребёнка. Видимо, причина была именно в этом. Цзян Цзиньмину учение давалось легко, он

схватывал всё на лету, не прилагая усилий. Но большинство людей были устроены иначе. Даже Цзинчжэ в своё время отец объяснял всё буквально по крупицам.

— Начальник управления, у вас природный талант к наукам, — мягко произнёс Цзинчжэ. — Но большинству людей нужно время. Им приходится подолгу упражняться, запоминать форму каждого знака, прежде чем они смогут его прочесть.

Для тех, кто не одарён талантом, это тяжёлый труд.

Юнькуй, почувствовав поддержку, тут же приободрился:

— Вот именно, наставник! Смиритесь уже с тем, что я дурак.

Цзян Цзиньмин аж задохнулся от смеха. Слова Цзинчжэ были разумны, но этот паршивец Юнькуй просто напрашивался на трёпку.

— А-а-а! Наставник, не бейте! Цзинчжэ, спасай!

Вопли Юнькуя были такими громкими, что у Цзинчжэ заложило уши. Он молча смотрел, как Юнькуй вцепился в его одежду, едва не отрывая рукав. «Ну вот... — подумал он. — Опять они за своё. Только бы меня в это не втягивали».

Несмотря на напускное нежелание, позже Юнькуй по секрету попросил Цзинчжэ поучить его. Он не мечтал стать каллиграфом, но уметь читать и понимать документы было необходимо. Оказавшись в Управлении по закупкам, он быстро понял: чтобы выжить там, мало просто честно работать. Нужно быть хитрым, иметь острый глаз и понимать, что написано в реестрах, иначе тебя быстро выживут. Никогда прежде он так остро не осознавал правоту наставника. Грамота была не скукой, а инструментом выживания.

Цзинчжэ, конечно, согласился. Вскоре к их занятиям присоединились Хуэйпин и Шиэнь, а последним пришёл Гушэн. Цзинчжэ никому не отказывал, но, чтобы не привлекать лишнего внимания, они перенесли уроки за пределы ведомства.

— К чему такая таинственность? — недоумевал Гушэн. После работы им приходилось куда-то тащиться, а потом возвращаться обратно, что было довольно утомительно.

Шиэнь ответил с глубокомысленным видом:

— Так нужно.

Он указал на Цзинчжэ.

— Он в управлении всего несколько месяцев, а уже стал любимчиком начальника. Не будь мы друзьями, разве ты не завидовал бы ему?

Гушэн задумался. По правде говоря, он не считал себя святым. Если бы Цзинчжэ был чужаком, он бы наверняка исходил желчью.

Затем Шиэнь указал на Юнькуя.

— А он? Он хоть и свой, но теперь служит в другом месте. Если он будет постоянно околачиваться здесь, это многим не понравится.

Хуэйпин слушал с интересом и спросил:

— А третья причина?

— А третья... — Шиэнь с гордостью поднял лист бумаги, на котором только что вывел несколько знаков, и расплылся в улыбке. — Третья в том, что другие тоже хотели бы так учиться, да не могут. Как тут не завидовать?

Гушэн почесал подбородок. Слова Шиэня попали в точку. За эти дни они поняли, что учение — это не просто махать метлой. Это труд, выматывающий душу. Раньше после работы у них оставались силы на болтовню, теперь же даже неугомонный Шиэнь засыпал, едва коснувшись подушки.

Если им, ученикам, было так тяжело, то каково было Цзинчжэ? Всё его свободное время теперь принадлежало им. Если бы пришёл кто-то ещё, у него просто не хватило бы сил. Да и Юнькуй с Шиэнем не горели желанием делиться учителем. В их отношении к Цзинчжэ была доля эгоизма. Они знали, какой он замечательный, и в глубине души не хотели, чтобы у него появлялось слишком много новых друзей.

Стать другом Цзинчжэ — значило стать его ответственностью. Он слишком дорожил тем, что имел: вещами, людьми, отношениями. И это легко могло стать для него обузой.

Пока Цзинчжэ учил Хуэйпина писать, Гушэн и Шиэнь переглянулись и зашептались. В последние дни за спиной Цзинчжэ шептались недоброжелатели, но друзья быстро прикрыли им рты. Когда же Цзинчжэ оборачивался проверить их успехи, они тут же принимали самый серьёзный вид, страдая над десятью иероглифами, которые нужно было выучить сегодня.

Юнькуй учился быстрее всех — у него была база, просто метод Цзян Цзиньмина ему не подходил. Гушэн, Шиэнь и Хуэйпин двигались медленнее, но с жадностью впитывали каждое слово. Иногда Цзинчжэ слышал, как Хуэйпин повторяет уроки даже перед сном.

Из-за этих занятий у Цзинчжэ почти не оставалось времени на себя. Даже встречи с Жун Цзю,

случавшиеся по пятым числам, стали короткими и поспешными.

И Жун Цзю это явно не нравилось.

Цзинчжэ буквально повис на нём. Несмотря на напускную холодность, Жун Цзю никогда не отталкивал его.

— Я просто помогаю им выучить иероглифы. Как только они освоятся, станет легче.

— Освоятся? — Жун Цзю медленно обхватил его за талию. — И когда же, по-твоему, наступит это «освоятся»?

Цзинчжэ замялся:

— Ну... хотя бы когда они смогут читать документы без посторонней помощи?

Хватка на талии стала крепче. Ответ явно не удовлетворил Жун Цзю.

— Если они научатся грамоте, у них будет шанс выбиться в люди, — добавил Цзинчжэ.

Жун Цзю коснулся мочки его уха и негромко произнёс:

— Ты слишком добр к ним.

— Они часто защищают меня от злых языков, думают, я не замечаю, — прошептал Цзинчжэ.

Жун Цзю заглянул в его сияющие глаза. Цзинчжэ выглядел по-настоящему счастливым. Жун Цзю протянул руку, касаясь уголка его глаза. Ресницы затрепетали, взгляд стал влажным. Ему вдруг захотелось коснуться этих «чёрных виноградин», узнать, так ли они податливы, как кажутся, можно ли из них выжать сок.

Цзинчжэ склонил голову, и в его зрачках отразился силуэт Жун Цзю.

— Жун Цзю, ты в последнее время чем-то расстроен?

Он чувствовал это. Дело было не только в том, что они стали реже видеться. Жун Цзю скрыл взгляд и холодно спросил:

— С чего ты взял?

Цзинчжэ задумался. Он не мог объяснить, как понял, что Жун Цзю раздражён. Это было знание на уровне инстинктов. Просто почувствовал — и всё. Он и не подозревал, насколько опасным было это умение — читать мысли императора. За такое полагалась смерть.

— Да, — медленно произнёс Жун Цзю. — Я недоволен. Недавно один из моих управляющих разбудил меня среди ночи. Сказал, что добычу, которую поймали для меня, убили и выбросили. Жирный кусок, который я даже не успел попробовать... Зачем мне такой глупый слуга, Цзинчжэ?

«Выбросили труп?»

Цзинчжэ моргнул, отгоняя странное чувство.

— Если случилось неладное, он сразу пришёл к тебе — значит, он предан. Это лучше, чем если бы он скрыл правду или предал тебя.

— Ты считаешь, я должен оставить его в живых?

— Ты ведь уже оставил, верно? — Цзинчжэ улыбку. — Если бы ты хотел его убить, ты бы не стал об этом говорить.

У Жун Цзю всегда были свои планы.

— Но как ты думаешь, почему кто-то так поступил?

Цзинчжэ нахмурился. Украсть добычу... убить и выбросить... Если речь о чём-то ценном, это не имеет смысла.

— Кто-то хотел забрать её себе, но испугался разоблачения и попытался замести следы, инсценировав убийство.

Жун Цзю тихо вздохнул:

— Видишь, Цзинчжэ, даже ты это понял. Как же могли этого не понять мои опытные управляющие?

Цзинчжэ прикусил губу. Значит, кто-то из своих был в сговоре с врагом.

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет. У меня слишком много врагов, чтобы знать наверняка.

Жун Цзю был совершенно спокоен. Впрочем, круг подозреваемых был узок.

— Скорее всего, это кто-то из моих братьев.

«...Мы ведь всё ещё обсуждаем охоту, верно?»

Обычная кража внезапно превратилась в семейную резню. Трое или четверо братьев — и он говорит об этом так обыденно! Значит, «выброшенный труп» был настоящим трупом!

— Называй это как хочешь.

— Если твои братья замышляют недоброе, тебе нужно быть наготове, — не удержался от совета Цзинчжэ.

В глазах Жун Цзю что-то мелькнуло, губы тронула странная, почти болезненная усмешка.

— Цзинчжэ, а что, если я сам столкнул их лбами?

Цзинчжэ замер. Жун Цзю порой проявлял свою жестокую натуру так внезапно, что это пугало. В его голосе сквозила такая неприкрытая злоба, что становилось ясно: он и есть тот самый «главный злодей».

Семья Жун Цзю была сложной, отношения с братьями — враждебными. Насколько именно — Цзинчжэ не знал. Он редко спрашивал о прошлом, а Жун Цзю никогда не откровенничал. До сегодняшнего дня.

Заметив, что настроение Жун Цзю немного улучшилось, Цзинчжэ облегчённо вздохнул. Иногда признание в тайных помыслах сближает. Подумав, он тоже решил рассказать о своём прошлом. Он редко вспоминал о нём, словно те годы были стёрты из памяти.

Он рассказал о доме семьи Цэнь. О том, как госпожа Лю любила персики, и отец посадил в саду несколько деревьев. Каждую весну сад утопал в розовых цветах — это было его первое воспоминание о весне. Нежный ветер кружил лепестки, и маленький Цзинчжэ носился под этим «персиковым дождём», а мать, прижимая к себе малютку Лян, с улыбкой смотрела на них.

В саду был крошечный пруд. Госпожа Лю запустила туда мальков золотых карпов, и те, несмотря на тесноту, прекрасно прижились. А потом они стали исчезать. Цэнь Сюаньинь обожал рыбалку. Днём он ещё держался, но когда карпы подросли и стали плескаться, он не выдержал. Каждую ночь он тайком выбирался к пруду и «похищал» маленького Цзинчжэ, чтобы тот помогал ему рыбачить! Какое удовольствие ловить рыбу в одиночку? Нужен был кто-то, кто будет восхищаться каждым уловом!

Маленький Цзинчжэ боготворил отца и на каждый улов отвечал восторженным шёпотом: «Ого! Как круто! Отец, ты лучший!» Слеплённый похвалами, Цэнь Сюаньинь выловил всех карпов в пруду. А улов отправлялся на кухню, где кухарка превращала его в обед для всей семьи.

Правда открылась из-за Лян'эр. Она тоже любила смотреть на рыбок и хоть не помнила всех цветов, но знала, что карпы были ярко-оранжевыми. А теперь в пруду плавали какие-то невзрачные желтоватые рыбины! В тот день крик госпожи Лю был слышен даже в кабинете, где Цзинчжэ переписывал книги. Мать наказала его, узнав о соучастии, а Лян'эр послушно сидела рядом, заменяя брату пресс для бумаги.

— Как грустно, — вздохнул тогда Цзинчжэ.

— Как грустно, — повторила за ним малютка Лян.

И оба они рассмеялись.

Цзинчжэ казалось, что он всё забыл. Но стоило начать, и слова сами полились из него, согревая душу старыми воспоминаниями о неловких оправданиях отца и о том, как мать крутила ему уши. Как же он по этому скучал...

Он прижался к Жун Цзю. Тот помолчал, а потом тихо спросил:

— Почему ты оказался во дворце?

Цзинчжэ приоткрыл один глаз, но промолчал. Жун Цзю слегка сжал его щеку:

— Не хочешь говорить? Что ж, мне не составит труда узнать правду.

Он склонился к самому уху Цзинчжэ:

— Семья разорена, отец-чиновник казнён за растрату, мать с дочерью бросились в реку по дороге в ссылку...

Это была официальная версия. Услышав слово «растрата», Цзинчжэ невольно зажмурился. Жун Цзю продолжал шептать, словно искушая его:

— Цзинчжэ, почему ты молчишь? Почему не хочешь сказать мне правду?

Его ладонь легла на грудь Цзинчжэ, прямо над сердцем, словно он готов был вырвать его одним движением. Голос звучал нежно, но в жестах чувствовалось пугающее давление. Цзинчжэ напрягся.

— Жун Цзю, это моё личное дело.

Жун Цзю сдавил его щёки пальцами, заставляя губы смешно выпятиться.

— Цзинчжэ, ты знаешь, что стало с последним человеком, который меня проигнорировал?

Цзинчжэ не мог ответить, лишь вопросительно моргнул.

— Я отрезал ему уши, раз они ему не нужны, — Жун Цзю принялся потирать ухо Цзинчжэ, его палец медленно, дюйм за дюймом, проникал в ушную раковину.

Это было невыносимо. Цзинчжэ задрожал всем телом от острой, почти болезненной щекотки, пронзившей его до самых костей. Боясь, что Жун Цзю зайдёт дальше, он перехватил его запястье и что-то нечленораздельно замычал.

Жун Цзю наконец отстранился. На щеках Цзинчжэ остались красные пятна от пальцев. Жун Цзю смотрел на них потемневшим взглядом — то ли недовольный тем, что они исчезают, то ли испытывая странное наслаждение.

— И что было потом? — спросил Цзинчжэ, едва обретя дар речи.

— Потом? Думаю, он стал слышать гораздо лучше. Ведь без лишних кусков мяса звук попадает прямо в дырки.

Цзинчжэ промолчал. Шутка была по-настоящему жуткой. Он лишь неловко улыбнулся.

***

Близость и отчуждённость — так можно было описать их отношения. Их чувства были глубоки: вечно занятой Жун Цзю всегда находил время для встреч, а Цзинчжэ научился мириться с его странностями. Он никогда никого так не любил, и эта страсть порой пугала его самого.

Но они не были до конца откровенны. Цзинчжэ не собирался вешать на Жун Цзю груз своей мести и не хотел использовать его силу. Он не хотел втягивать его в это — такова была главная причина. Была и другая: их отношениям было всего несколько месяцев. Слишком мало, чтобы доверять все тайны без остатка. Даже Миньюю, с которым они вместе выживали годы, он ничего не рассказывал. Любовь — это одно, а тайна — совсем другое. Без этой рассудительности он бы не выжил.

В тот вечер, возвращаясь, он был сам не свой. Хуэйпин заметил его подавленность:

— Цзинчжэ, что случилось?

Хуэйпин знал о тайных встречах друга, но никогда не спрашивал, с кем тот видится. Он лишь видел, что после этих свиданий Цзинчжэ всегда возвращался окрылённым. А теперь он выглядел как побитый дождём щенок.

— Кажется, я обидел друга, — вздохнул Цзинчжэ.

— Быть не может, — отрезал Хуэйпин. — С твоим-то характером?

— Может, у него просто скверный нрав? — уныло предположил Цзинчжэ.

Хуэйпин усмехнулся:

— Ну, по твоему виду не скажешь, что ты сильно переживаешь.

Цзинчжэ промолчал. Он чувствовал, что жажда контроля у Жун Цзю становится всё сильнее. Раньше их отношения строились на недосказанности, но сегодня он понял: всё меняется. Желания растут. Приняв яростную любовь Жун Цзю, он не погасил пламя — он лишь дал ему пищу.

Сидя на кровати, он вдруг осознал: этот монстр был вскормлен его собственными руками.

***

Из дворца Цяньмин вынесли уже третий труп. Запах крови стал привычным. Ши Лицзюнь, не дрогнув, перешагнула через кровавые пятна и вошла в зал. Чем дальше она шла, тем гуще становился этот тяжёлый, медный дух.

В центре зала стоял человек. Именно от него исходила эта пугающая аура смерти. Госпожа-чиновница остановилась в нескольких шагах и почтительно склонилась.

— Ваше Величество, проверка закончена. Кроме тех троих, ни у кого больше не обнаружено следов насекомых-гу.

Ши Лицзюнь была напряжена как струна. Обычно во дворце Цяньмин не бывало такого беспорядка, да и нрав императора Цзиньюаня не был столь свиреп. По крайней мере, в последнее время он стал гораздо спокойнее. Но сегодня кто-то явно разбудил в нём зверя.

Ши Лицзюнь вздохнула про себя. За её суровой маской скрывалось немало чувств, но она, как и Вэй Хайдун, умела держать лицо. Хотя сегодня ей было по-настоящему страшно.

Император часто исчезал из виду, когда не был занят делами. Иногда он подолгу не выходил из покоев, иногда бесследно пропадал. Слуги уже привыкли к этому. Поэтому, когда он медленно вошёл в зал, Ши Лицзюнь лишь с улыбкой направилась к нему.

Но император даже не взглянул на неё. Проходя мимо стражника, он привычным движением выхватил его меч. Ши Лицзюнь похолодела, мгновенно всё поняв.

Но клинок императора был быстрее мысли. Служанка, стоявшая у входа, даже не успела вскрикнуть — сталь пронзила её насквозь. Кровь... это была её кровь. Император выдернул меч, и тело мешком рухнуло на пол.

Но это было только начало. Кончик меча вонзился в живот трупа, император с ледяным спокойствием копался в ране, пока не вытащил на свет тонкого белого червя. Ши Лицзюнь побледнела. Император брезгливо отшвырнул тварь и, перешагнув через тело, раздавил извивающееся насекомое каблуком.

Ши Лицзюнь подала знак помощнице — нужно было проверить всех. В её дворце не должно было быть этой заразы!

Поразительно, но пока император убивал, в зале стояла мёртвая тишина. Никто не смел бежать, все застыли на месте, оцепенев от ужаса. Этот страх пропитал их до костей.

Одного из евнухов вытащили из толпы. Он не успел даже взмолиться о пощаде — меч пронзил его сердце. Кровь брызнула на одежду императора, стекая тёплыми струями. Горло мертвеца задергалось — насекомое пыталось выбраться наружу, пока тело ещё не остыло. Но император не дал ему шанса.

Расправившись с теми, кого коснулась зараза, он отбросил меч. Те, в чьё сердце проникли гу, были обречены. Император лишь ускорил неизбежное.

Он медленно поднялся по ступеням, оставляя за собой липкие кровавые следы.

— Трупы сжечь. Все до единого.

— Слушаюсь.

Ши Лицзюнь едва успела ответить, как в дверях показался ещё один евнух. Он дрожал всем телом:

— Ваше Величество...

Император остановился перед ним. Евнух знал, что это значит. Двоих уже убили, и никто не

посмел сопротивляться. Теперь его очередь? Жалованье во дворце Цяньмин всегда было выше, чем в других местах — именно из-за того, что люди здесь менялись с невероятной скоростью.

— Пощадите, Ваше Величество, я не хочу умирать... — евнух рухнул на колени.

Но не успел он коснуться пола, как в его руке блеснул кинжал. Лицо его всё ещё было искажено плачем, но удар был нанесён с яростью человека, который долго ждал этого мига.

— Хм?

Евнух издал странный звук. Кинжал не достиг цели — его запястье перехватила железная рука. Сила была такой, что он не смог продвинуться ни на дюйм. Он в ужасе смотрел, как император медленно выворачивает его руку. Раздался сухой хруст — кости лопнули, не выдержав давления.

Евнух взвыл от боли, выронив отравленный кинжал. Император подхватил оружие и с ледяным изяществом разделал предателя. Пока насекомое не было извлечено, гу поддерживали в теле жизнь, заставляя несчастного чувствовать каждое движение стали...

Ши Лицзюнь передёрнуло при воспоминании об этом. Когда пепел от костров развеялся, она пришла с докладом.

Император спокойно вытирал руки.

— Я ведь приказал раздать всем благовония. Как вы могли допустить такое?

Голос его был тихим, почти ласковым, но от этого становилось ещё страшнее. Кровь продолжала капать с его одежды, словно бесконечный водопад. Ши Лицзюнь мысленно проклинала Нин Хунжу. Это он отвечал за поставку сандала. Вечно его нет, когда жареным пахнет!

Причина была проста. Во дворце Цяньмин всегда курились благовония, и слуги пропитывались этим запахом. Но в главном зале, где отдыхал император, запахов не было — он их не выносил. И это стало лазейкой.

Те трое служили снаружи и редко заходили внутрь. По идее, они должны были быть защищены. Но тринадцать дней назад случился ледяной дождь. Фэй Кан пришла навестить императора, и эти трое встречали её под дождём. Вода и снег смыли защитный аромат, сделав их уязвимыми для гу.

Император отбросил окровавленный платок. Его лицо, руки, одежда — всё было в крови.

— Приготовьте ванну.

Его взгляд, холодный и острый как бритва, заставил Ши Лицзюнь втянуть голову в плечи.

— И приведите Цзун Юаньсиня.

Ши Лицзюнь замерла, а потом её лицо озарилось радостью, стерев привычную суровость.

— Ваше Величество, вы согласны... вы наконец согласны... — она осеклась, не смея договорить.

Император был болен. Об этом знали только она и Нин Хунжу. Раньше не было возможности лечиться, а после воцарения он сам не подпускал к себе врачей. Это пугало Ши Лицзюнь. Император был великим правителем, но в то же время — монстром и бездушным изваянием на троне.

Ему было на всё плевать. Он приказал создать благовония, но сам ими не пользовался. Он знал о кознях наложниц, но лишь с интересом наблюдал за ними. Он не дорожил собственной жизнью, словно играл с ней... И вот этот безумец вдруг согласился принять лекарства!

Ши Лицзюнь тут же бросилась исполнять приказ, велев слугам вымыть зал так, чтобы и следа крови не осталось.

Внутри император наконец смыл с себя чужую кровь. Он выглядел уставшим. Иногда он был терпелив, а иногда — совершенно невыносим. «Варить лягушку на медленном огне» — хороший метод, но с Цзинчжэ он не работал. Тот был слишком чутким зверьком. Его инстинкты срабатывали раньше, чем разум успевал осознать опасность.

Отношения с «Жун Цзю» были самым безумным поступком в жизни Цзинчжэ. Хэлянь Жун мог бы ждать, пока плод созреет сам, но его терпение было на исходе.

Цзинчжэ стал для него чем-то большим, чем просто загадкой или забавной птицей. Он пробудил в нём жажду. Сексуальное влечение... жажду жизни... Неважно. Это была всепоглощающая алчность.

Император сидел в ванне, перебирая в руках два шара из чёрного нефрита. Их стук был приятен, но они не могли заменить те «чёрные виноградины». Нефрит был мёртв, в нём не было той влажной, живой прелести.

Внезапно он сжал ладонь, и драгоценный камень рассыпался в пыль, исчезая в воде. Подделки были бесполезны.

Хэлянь Жун вышел из воды. На его груди белел старый шрам, который он тут же скрыл под

слоями одежды. Он посмотрел на своё отражение в зеркале и усмехнулся.

Он больше не хотел ждать.

***

Примечание автора:

Жун Цзю: Хочу съесть.

<http://bllate.org/book/16993/1586810>